

УДК 821.161.1.09“18”

ВАЛЕРИЙ НИКОЛАЕВИЧ СУЗИ

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы филологического факультета ПетрГУ
vnsuzi@yandex.ru

К «ДУХОВНОЙ ПРОБЛЕМЕ» ГОГОЛЯ

Статья раскрывает своеобразие поэтического мировосприятия Гоголя. Объектом изучения являются образная структура автора, художественный замысел и способ его реализации в образной системе. С этим связана базовая категория поэтики – тип художественного метода: *христианский* реализм Достоевского и *магический* реализм Гоголя, их единство и различие в способах отражения и обобщения реальности.

Ключевые слова: историческая и теоретическая поэтика, поэтическое мировоззрение, типология образов, художественный метод, христианский и магический реализм

Назвать Гоголя одной из самых загадочных фигур в русской классике – значит вернуться к *общему месту*, отведенному ему при жизни. Он столь многомерен и противоречив, что впору говорить об олицетворении в нем синдрома одаренности, назвав его *синдромом Гоголя*, связав с ним, обозначив им целый комплекс духовно-психологических проблем бытия и творчества, отличающих всякое крупное дарование; вплоть до темы «гений и злодейство», без сомнения, входящей в проблемное поле, составляющее основу любой личности. Огрубляя мысль, скажем: *всякий Моцарт сам себе Сальери*. Несомненно, можно оценить гениальность как романтический коррелят, синоним проблемности в аспекте вечных состояний души, но одновременно это и востребованная конкретной эпохой историческая категория, тематизированная романтиками. Наше отношение к миру определяет импульс служения или потребления, то есть притяжения мира любовно, самопожертвенно или утилитарно, потребительски. Проще говоря, все мы *родом из детства*, определяющего наш тип мифологиза-

ции мира и своего места в нем. Конечно же, порыв дуалиста окрашен дымкой мечты, романтики, далек от грубой эмпирики, прагматики.

И безусловно, русская культура со Слова о законе и благодати вдохновлялась пафосом *служения*. Вопрос лишь в том, служения кому: Творцу или себе?

Вне Христа любая *жертва* сводится к *самоосвящению*, игре словом, образом.

Обмирщение жизни в XVIII веке, слом традиций потрясли устои нашей души. Это была жесткая проверка на прочность и вместе с тем закал личности и нации. Менялся не просто обряд, канон, устав, отменялся принцип организации, ритуала. Человеку предоставлялось право полагаться лишь на себя, и в то же время он подавлялся всем строем *бытия*, сословно-державным тяглом. За него никто не отвечал, но с него ответственности не снимали.

Разрыв культа и культуры вел к подмене цели средством, раздвоению, распаду, самоотчуждению личности. Культуре остались два пути: возврат к Богу или к магии образа, его культ, су-

веренизация, сакрализация. Запад сделал выбор в пользу социума и индивида в XV веке. Наша культура раздвоилась в путях своих в середине XIX века: классика нашла себя под знаком второй, теперь уже культурной, «христианизации» Руси, *воцерковления* культуры; Серебряный век остался на распутье: утверждая Христа-логоса на словах, на деле тяготели к магии форм, *заговариванию ничто*, ворожке образом, к опасному экспериментированию, *игре в бисер* смыслов, формотворчеству, *новациям ради новаций*. Возникал искус самооправдания, толкавший модерн к теургии, богозамещению, кумиротворчеству. То была иллюзия «антихристово добра».

Гоголя задела *стихия благих порывов, обуздываемых благой волей* («тогда блажен, кто крепко словом правит» в стоянии «бездны на краю», Пушкин), болезнь роста протекала остро. Опасной остроты счастливо избежал Пушкин, необычайный «поэт обыкновенного человека», в нем процесс протекал мягче; сказалась *сила благодатная*, явившая себя и в преемниках: Гоголе, Лермонтове.

1. Взвешенные подходы к личности и творчеству, *проблеме Гоголя* выдвинул профессор-протоиерей В. Зеньковский, исходя из христианской антропологии с ее тремя уровнями разрешения: духовным, психическим и социально-бытовым, физическим; а по сферам: религиозный, поэтико-творческий, биографический.

Эмпирика дает материал, на котором решается духовно-творческая тема.

Любая проблема есть проблема выбора. У Гоголя она начинается с выбора *пути, поприща* («Мысль о службе никогда меня не оставляла» [4; 312]): кем быть – поэтом или аскетом? Вопрос сводился к тому, как сочетать *ум с сердцем*, «писателя комического и сатирического» [4; 288] с учительной проповедью.

Вопрос цели и средств обрел у него форму дилеммы: «Нет выше удела на свете, как звание монаха» [4; 5] – и «...Не писать для меня совершенно значило бы то же, что не жить», «...Едва есть ли высшее из наслаждений, как наслажденные *творить*» [4; 312]. Чужой *запрос*: «...зачем я оставил тот род и то поприще... где был почти господин, и принялся за другое, мне чуждое?» [4; 287] – мучил его. Но и в 1847 году он сознается: «Я не могу сказать утвердительно, точно ли поприще писателя есть мое поприще» [4; 287]. Он готовит себя в жертву *искупления*, в своем «домостроении» совмещая оба пути, императив «очищения» распространяя на дар: «Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою» (завет художника-аскета во 2-й редакции «Портрета»).

Описателям жизни он противопоставляет *творца, ответственного* за нравы, среду, настаивает на соответствии дара и зрелости духа – высокой цели. Ибо кому больше дано, с того строже и спрос! Вопрос в том, по завету Отцов или по образцу Платона протекал его *катарсис*.

Путь к Христу был труден, неровен, мучителен. Проблема заключалась не в *цели*, а в выборе *средств*. Ведь вопрос *призвания* сводится к сопряжению *формы* и *смысла* в образе, Слове.

По сути, речь идет о совмещении Лица и знака, идеи как форм Логоса. У Гоголя это стало его крестом. Дело в том, что образ и идея, живя напряжением *диалога*, разнятся степенью условности и индивидуации, определяемыми их природой и поэтикой автора. Безлико экспансивная идея готова пожрать образ, образ может изменить ее до неузнаваемости. Вот почему всякая идея, завися от образа, эксплуатирует его, стремится обрести имя, лицо. Гоголь, подчиняя образ идее, порыву души, рискует им и собой во имя ее. Благая цель достигалась ценой искусства, жизни. Не слишком ли высока цена? Ответ дают иномирный, культурно-исторический, бытовой критерии. В контексте быта жертва, конечно же, непомерна; в ареале истории и Духа – ответ не столь очевиден. Без *трезвения* здесь неизбежны замещения, подмены, перекосы.

Именно трезвения Гоголю порой и не хватало. Может, скит и был его призванием, как думал Жуковский. Но Гоголь признавал: «...В монастыре тот же мир окружает нас, те же искушенья вокруг нас» (1847, о. Матвею). Постриг мог закалить или сломить дух; в скиту свои искусы, едва ли не гибельнее мирских, творческих. В их сети попадали и суровые аскеты.

Как, например, понять оценку Гоголем выведенных из опыта Отцов «Правил жития в миру»: «...Примите их, как повеление Самого Бога» (Виельгорским, 1844). Что это, наивность? Св. Отцы на такое не дерзали! Искус обрел опасные формы: если пост, то самовольно, прежде срока, не сообразуя меры. Если покаяние, то до самоуничтожения, самоистязания. И тут же самопревозношение. Во всем крайность, увлечение, надрыв; ни в чем середины. Многие вещи писатель избирал не добровольно, а вынужденно, под давлением не столько обстоятельств, сколько состояний, прежде всего болезни, или противостоя ей.

За болью души крылся надлом, плохо поддающийся исцелению. Измученный собой, *дарами не по силам*, Гоголь кается: «Замыслы мои были горды... и упали вместе с тем, как оставила меня способность производить создания поэтические» [4; 313]. Экзальтации отвечало увлечение «Подражанием Христу» Фомы Кемпена, присущее поэтам, в том числе Пушкину. Любимый в миру труд западного мистика однозначно отвергался русской аскезой. Экспрессией чувств, близкой духовному опыту Рима, пронизана и «Божественная литургия», не раз подвергавшаяся прещениям духовной цензуры.

Показательно, что Гоголь в творчестве не доверял воображению («...говорить и писать о высших чувствах... нельзя по воображению» [4; 294], но в быту благое недоверие к образу обретало форму ипохондрии, мнительности, фобий.

Конечно, проблема Слова, призвания задает *герменевтический круг* изучения.

Поэтику (прием, форму) и мировосприятие надо рассматривать в их тесном единстве и *соприращении*. Попытаемся без пафоса, не судя и не апологизируя, всмотреться в те процессы, которыми причастны и мы, поскольку боль поэта отражает распад духа, болезнь века сего («Не плоть, а дух растлился в наши дни...» – «Наш век», Тютчев).

2. Гоголь свою цель видит в исцелении себя. Он замечает: «...В то время когда писаны были “Мертвые души”, произошло некоторое обращение на самого себя» [4; 299]. И далее: «Все чего-то ищет, ищет уже не вне, а внутри себя. Вопросы нравственные взяли перевес и над вопросами политическими, и над учеными, и над всякими другими вопросами» [4; 307]. Он нередко жестко и трезво оценивал свое положение, будучи не всегда в силах с ним справиться.

«Выбранные места...» он признает нравственно выше уничтоженного в 1845 году 1-го варианта 2-го тома «Мертвых душ» («Это я писал в “прелести”»). Но и «...Переписку с друзьями» считает не вполне зрелой, ибо в ней проступает искусительность образа. Творческая задача сводится к устранению разлада поэта с аскетом на уровне идеи и формы, смысла и образа.

Он пытается найти «идеал прекрасного человека, тот благодетельный образ, каким должен быть на земле человек» [4; 295]. Это не «герой нашего времени», а герой на все времена. Именно *найти*, а не *создать*, и проблематично, ибо *дни лукавы* и корыстны. Но, по признанию автора, его манере чужда фантазия («Я никогда ничего не создавал в своем воображении и не имел этого свойства», «Я *создавал* портрет, но создавал его вследствие соображенья, а не воображенья», «Но воображение мое до сих пор не подарило меня ни одним замечательным характером и не создало ни одной такой вещи, которую где-нибудь не подметил мой взгляд в натуре» [4; 297–298]).

По его мысли, он имел «ум... способный больше выводить, чем выдумывать» [4; 305], с опорой на реальность. Не найдя в ней нужного типа, он решил плута Чичикова привести к идеалу через потрясение, что оказалось невозможно по ряду причин. Автор исходил из идеи, что и закоренелый грешник хранит *образ* Божий. В целом идея верна, но редко осуществима. Все зависит от наличия воли к преображению, потенций, скрытых в *подобии* Богу. Гоголь уповал на действие извне, почти на чудо. Но чудо не тиражируемо; переносить частный случай в ряд множеств, в социум – это утопия, детерминизм, близкий взглядам позитивистов на определяющую роль среды в личности. Вопрос уперся в форму образа – тип или индивид. Автор привычно работает с типом, хотя устремлен к индивиду.

3. Встает вопрос цели, обращения к психотипу, в форме психологизма, ведь «психологиче-

ский вопрос... есть главный предмет всей моей книги» [4; 284]. Он признает: «Вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”». Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравая психология, и не кривое, а прямое понимание души встречаем у подвижников-отшельников» (цит. по: [4; 16–17]).

Онтопсихология Отцов – психология личности, ее воли, когда к действию, в меру приятия дара, способна волящая личность, а не тип, обусловленный средой и плотью. Ее сфера духовна, а не душевна. В ней проступает инобытийная заманность обратной перспективы. Привычная нам психология – это скорее социальная психотипология, манипулятивная магия, овладевшая приемами воздействия на душу. В ней цель подменена средствами. «Для рационалиста присутствие переживания или индивидуального тона мысли есть признак *психологизма*, т. е. затемненности и порабощенности мысли. Для “логиста” нижний, подземный этаж личности, ее иррациональные основания, уходящие в недра Космоса, полны скрытым *Словом*, то есть Логосом» [7; 90].

Освобожденность «психологических состояний... от характеров», где «чувства, страсти живут как бы самостоятельной жизнью, способной к саморазвитию» [6; 81, 85], присуще культуре Древней Руси. Поэтому здесь можно говорить только о передаче эмоциональной атмосферы, характера ситуации, а не характера героя, что подтверждает сверхличные истоки образа. В *бесхарактерной* поэтике иномирного контекста центр тяжести оказывается как бы вне личности, в контексте среды, усугубляя в последней личностный импульс.

Это чревато гипертрофией индивида, но только в романтической установке. Лирический герой – форма авторского сознания, выработанная романтиками-дуалистами, противопоставившими микрокосм души макрокосму мира. «...Ведь именно романтики в борьбе против расудочного аллегоризма отточили понятие символа как *органической многозначности*» [1; 121]. Отклик романтизма на философию тождества выглядит не более как реакция на порожденное ею противоречие, но не его разрешение. «Реализм» же Отцов характеризуется структурированием личностного импульса в диалоге. Мир и человек оказываются в отношениях перихорезы, симфонии тварной и Творящей воли. «За описываемым феноменом стоит чрезвычайно утонченная и до мелочей разработанная психология Григория Паламы, Григория Синаита и Нила Сорского, которая также была психологией “без характеров”», – отмечал С. Аверинцев [1; 137].

Это дает нам право говорить о поэтике «глаголющего безмолвия», бытийно-личностного, *волящего контекста*, присущего поэтике Евангелий. Раскрыта она Пушкиным и Достоевским. Гоголь к ней лишь подступал. Он видел разницу подходов,

но использовать ее мешал стереотип, тип собственной личности. Гоголь выявлял в своих героях общечеловеческие, психо-социальные, а не личные черты. Он перевел идею в позитивную плоскость, в эмпирику, и цель стала недостижима. Не случайно состояние *прелести* он связал с прежним своим пониманием психологии «прирожденных страстей», выводя проблему на уровень библейской *антропологии* и *эсхатологии*.

4. У него заметна общая для его эпохи и культуры динамика от природно-родового, социального психотипа к гномической личной воле. Это движение от христианской платоники Оригена и гносиса свт. Григория Нисского к двум природам и единой воле и Лику Христа, к христианской экзистенции преп. Максима Исповедника. Гоголем упор сделан на стихийно-природное, а не личностно-волевое. Отсюда его прием **типизации**, содержащий проблемный момент. Если в создании образов он отталкивается от реалий, частных, то в логике идет от сущности – к существу, от универсума к ипостаси, что присуще антично-западному *умозрению*, экзальтации чувств, воображения, экспрессии.

Путь Лика иной: от ипостаси – к Троице, очищение, умирение, укрощение страстей, а не их умерщвление, не отвержение мира. К этому добавим, что, ставя цель организации общества на иных началах, особое внимание он уделял *практико-хозяйственной* стороне, идя путем Марфы. Даже мир души он понимал как хозяйство, которое необходимо обустроить. К *созерцанию* и образу он отнесся с недоверием (видимо, в силу склонности к грезам), утверждая *деятельностный* подход.

Ту же задачу, но уже *создания* образа «положительно прекрасного человека», с иными исходными данными, на ином материале – в области отношений *личных*, решал Достоевский. Он взял тип не деятеля (дельца), а *созерцателя*, и не тип, а уникальную *личность*. Ему нужен был пример духовно трезвого практического христианина. Но даже и его, даже на столь благодатном материале поначалу постигла неудача. Мы имеем в виду не качество образа Мышкина (он вполне достоверен, создан гениально), а исполнение замысла. Погубленный средой князь гибнет психически и интеллектуально. Для романа даже 60-х годов задача осталась непосильной. Искомое идеала жизнь не дала. Лишь в Зосиме, Алеше, отчасти Мите задача была решена. Это едва ли не единственный случай в XIX веке.

Тому есть социально-исторические, морально-психологические культурно-идеологические, мировоззренческие, поэтические причины. Начать надо с идеи.

5. Гоголь принял *христианство* как *идею любви, программу действия*. Беды нет, если проект отвечает реальности. По ряду причин соотношение было нарушено. Ведь христианство – явление Личности, Лика, и затем уже идея, план домостроения. Лик, символ, аллегория, идея –

формы жизни в Образе и Слове разного уровня конкретики и условности. Эти реалии претендуют на универсум, всеобщность, кафоличность. Лик есть образ, икона, явь Логоса.

При обозначении иномира деталью быта, соотношении Лика и фона, его символизации фон, служа Лику, сохраняет право автономии, суверенности. К ней неприменимо насилие, даже любовью. Идея в силу безликости, бездушия свое право узурпирует, что ведет ее к столкновению с Образом.

Христианство Гоголь воспринял теоцентрически, теократически, романтически ветхозаветно, а не христообразно, христоцентрически. Любый дар может стать искусом в меру его приятия. Между Промыслом, реализуемым в Лике, идеей и знаком телесным, культурой и культом нет противоречия, оно привнесено нашим со-знанием. Жизнь дышит в диалоге, Зове и отклике, встрече, Вести и отзыве, соборе; «язык есть дом бытия» (Хайдеггер), ибо *мы призваны в общение*.

Динамика диалога возможна, реализуема лишь в свободе со-вести, определяется ракурсом видения, соотношением прямой и обратной перспективы. Иначе возникает *ложь благих*, но *стихийно* монологических, волевых порывов. *Магия* образа, культ красоты, формы, их подчинение идее, эстетизация, любование вместо созерцания, живописная пластика плоти – идеал Рима. Социальный активизм, доминанта этики труда, идеи над созерцанием, ригоризм проповеди – знаки Реформации. Подмена любящего, страдающего Лика – символом, идеей любви – формы христианского позитивизма.

Очарование образом, ворожба словом, закливание – рудименты эмпиризма, культивируемые романтикой, эстетикой Платона, и – противостоянием ей. Отсюда жажда буквального «подражания Христу» Фомы Кемптена, почитаемого Гоголем за идеал христианина, и позднейшая «философия общего дела» Н. Федорова. Истоки их – магия Платонова зйдоса.

6. Сугубо филологический аспект нашей темы – соотношение **романтического воления** и **реалистической детали**. И вновь отметим: реализм Гоголя имеет два уровня – *бытовой* и *иномырный*. На втором уровне доминирует элемент фантазии, иррацию, диссонанса, присущих поэтике барокко, рудименты чего отчетливы у Гоголя (наряду с Ломоносовым, Державиным, Тютчевым, Лермонтовым, Достоевским). «Внешний реализм Гоголя не был, в сущности, настоящим реализмом» [5; 63]. Это реализм **магический**, восходящий к мысле-образам Платона. Диссонанс Идеала и мира, романтической идеи, пафоса души и поэтической формы, мечты и жажды обновления, обличения усугубился, оказался неустраим. Гоголь, мученик *веры* в *образ и идею*, поднялся в ней до высот исповедничества. Но в нем доминировал *соблазн* идеи-образа, красоты и *искус* *борения* с ним, с собой. Его силы подрывал пафос разоблачения, противостояния

злу Идеалом. Он исчерпал запас «тайной свободы», трезвения Духа, остался не понят и друзьями, отчасти по своей вине, что вскоре признал. Он иссяк не творчески, а морально-душевно; утратил не дар, а доверие к себе, образу. В этом был свой резон: дар искусителен, но недоверие стало манией. Его жизненно-творческую драму, усвоив ее урок, разрешил Достоевский.

О «реализме». Тема двоения души, *распада* духа пронизывает, организует, поляризует и связывает идейно-поэтический хронотоп Гоголя, проступая на уровне *воличноствления*, Христовы Лица и *типизации* Платонова эйдоса. Он сопрягает типологию (прием) и веру в проекции Воскресения *мертвых душ*.

Но в образе-типе воля лишь угадывается, намечена, личное весьма условно, доминирует среда. Получается не портрет и не икона (лик), а портретная аллегория (колоритно выписанный манекен, муляж, пустая оболочка). Отсюда впечатление неверия, нелюбви автора к своим персонажам, поскольку это не лица, а маски, куклы. Мысль автора противостоит форме, но деталь предстает правдоподобней, жизнеспособней идеи. Живая материя противится нажиму, выдает заданность идеи. Форма и идея оказались полярны, как *эйдос* и Лик. Таков образный исток тяги автора к проповеди, публицистике, где идея находила себе адекватную форму. Здесь лежит причина отказа от 2-го тома «Мертвых душ» автором, понявшим неосуществимость мысли в прежней форме.

Если говорить о *символическом реализме* (не в понимании модерна, а в парадигме 5–6-го Вселенского собора), то Гоголь придал человеческим страстям («бесам») черты индивидов – узнаваемость, жизнеподобие. Выражение его «лиц» может меняться, быть подвижно, но это маски-аллегии, подобию, создающие иллюзию жизни. Он не людей приравнял к бесам (что невозможно), а страсти вочеловечил. В типах Гоголя доминирует колорит. Но это не живопись Ренессанса и не средневековый символизм, а портретный аллегоризм. Двойственный ракурс двоит мысли, образы.

Иное видим у Достоевского: это беснование схожих с бесами лиц, им уподобившихся, но ими не ставших. Это опирается на нераздельность и различие, связь свободы и необходимости, детерминации косной природы в Лике. В типе доминирует статика *натуры* (среда, социум, быт), в личности – воля, динамика духа. Творец жаждет не фиксации данности, а ее изменения.

Но быт сковывает. Отсюда «натурализм», чуждый **поэтической теургии**. Его Чичиков – поэт быта, «вещности», потребления, но мист, жрец приобретения, *стяжания*. Пластика *самовыражения*, экспрессии близка ему. Но в дилемме *быть* или *иметь* ему дано лишь *казаться*, а автор желал перевести его из парадигмы *быта* в проекцию *бытия*, преобразить. Но *вещность* и *вечность* не сопряжены *его стилистикой*, тре-

буют поэтики «диалога». Автор, типизуя мир через вещную суть, как герой, оказывается связан плотью образа-детали.

Для освобождения надо менять стиль, прием или корректировать цели.

Его манера идет от поэтики *невывразимого*, содержащей угрозу миру, подмены его грезой, чреватой магией образа, насилием над жизнью. Имя отрывается от сути, явление от героя. Возникает зазор, образуя локус нереализуемой воли автора, проникающего за грань плоти. Творя зазеркалье, жутко сладостные фантомы, он разрушает реальность. Показательно, что его равно отвергли люди враждующих лагерей. Резкость оценок вызвана позицией Гоголя, не уступающей экспрессией приема ригоризму Белинского. Реализм детали, пластика бытоподобия усугублены беспощадным светом идеала.

Чичиков, вопреки усилиям автора, исчерпан миром вещей 1-го тома. Его преобразование невозможно. Это утопия романтика, иррацию мечты (Фихте), минутный порыв (*elan*), не более. Но поэзия быта не чужда автору (не суд над буколической «низкой» жизни, а грусть от сознания ее бренности). Цена мир, он судит плоть мерой ритора, идеи, чуждой благодушия («нельзя повторять Пушкина», «Выбранные места...»). Гоголь – поэт «предметов и явлений не в их действительности, а в их пределе» (В. Розанов). Динамика от индивида к общему, пределу-эйдосу и есть *типизация*. Отсюда иллюстративность типа, близкая духу книжной иллюстрации. Возникает второ-реальность скрытых смыслов, где порыв скован формой, суггестия **типа и индивида** полярны.

Тип – сгусток смысла, индивид заряжен энергией. При их различии они равны в цене. Динамика типа внутренне статична, неизменна. Но он выпадает порой из пластики застывших форм, как влюбленный Чичиков, достигая экспрессии без-образия. Но за ним стоит автор с морально-поэтической меркой Идеала, сгущающей *мрак жизни* по контрасту. Здесь эрос застыл, а не исчез в паноптикуме людей-вещей. Шинель, мундир – вещная форма эроса, формочувство. Трагизм эроса, пола проступает в стихии эстетики, чувств («Вий», Андрий, «Невский проспект»). Отсутствие «поэтического огня» рождает скуку без-дарности, зла. Порыв не спасает от пустоты, если ничтожен исток («Портрет»). Контраст *призвания* и *реализации* выступает в *утрате себя*, какофония мира *глушит музыку сфер, лишает слуха, ведет к безумию*. Поэтому поэтика недолжного, *несочувствия* малым сим, отдающая *мироотвержением*, возмутила *бедного* Девушкина в «Шинели», а «Станционный смотритель» согрел его душу. Взор Пушкина и Достоевского изначально устремлен к драме вины, искупления, у Гоголя – тяготеет к трагике неискупимости без вины. И их идеал – Христов лик и имя. Но реализм Гоголя состоит не в типизации характеров, не в гиперболизации

деталей, а в возврате быта в инобытие, их связи (воплощение фантазмагорий, реальность фантомов), в обратной проекции. Но это не символический реализм иконы, а аллегоризм и фантазмагоризм поэтики барокко. Отсюда ужас бытия, отвращение к быту.

Плоть реалистической детали отторгает от себя без-образия жизни, освобождает душу от быта, расчищает место идеалу. Автор весь пребывает в плену лирических стихий, боится их утраты; его силы ушли на проживание своего идеала: «Сурово его (“непризнанного писателя”. – В. С.) поприще и горько почувствует он свое одиночество» (гл. 7 «Мертвых душ»).

Трезвение духа в суде над миром оказалось невозможно.

Идеи, позиции, поэтика Гоголя устойчивы и многоуровневы в сплетении реальных и фантастических: его бытовой и «психологический», онтический реализм – от двоемирности – «инструментален»: оформляет лирические порывы романтика, связывая мечту и эмпирику. Это противоречивость единства, множества форм в их внутренней цельности, последовательности. Иной мир прорывает течение повествования одной фразой, ремаркой, вводным словом, вздохом. «Нигде нет фальши, хотя много неправдоподобия» [5; 28]. «Гоголь – гениальный живописец внешних форм, но никто не заметил, что за этими формами в сущности ничего не скрывается, нет никакой души» ([8], В. Розанов).

В его мире явственны три уровня: быт (плоть, предмет), душа, дух. Жизнь плоти переходит в омертвление души при едва заметном всплеске духа: его **магический реализм** – все та же **романтика**. Так, в «Шинели» быт и эрос сплетены, вызывая судорогой агонии «воспламенение души», вспышку перед последним ее омертвлением. Поэзия быта приправлена сарказмом, будто в отместку за увлечение деталью спохватившегося автора: «...видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни обращаются в поэтов». От поэзии быта, магии красоты, завершенности, ее *чар*, от стихии, опьянения, восторга автор вдруг впадает в скепсис, нигилизм, обличение, отвержение, уныние. Происходит резкая смена идеи, ракурса, угла зрения, образуя смесь добродушной иронии, уничтожающего сарказма, грусти, отвращения, уныния, высокой трагики, ужаса перед стихией плоти, ничто. Его смех *стихийной свободой* своей сродни *лиризму*. Лирическая стихия и сила смеха сплелись в очищающем *смехе сквозь слезы*, в покапании о грехах мира и своих. Возникает вопрос: истоки смеха, слез, лирики – неудержимая стихия или волящая мысль? В первом случае нам грозит «демон иронии», вызывающий пароксизмы смеха, на которые безумием, смехом ужаса отзывается бездна, пустота, скука. Опасность его показал Пушкин в «Пире во время чумы», она открылась Блоку в «Двенадцати».

Смех не тот феномен, который приветствуется Благой вестью; в Ней при наличии памяти

смертной, страха Господня доминирует радость Пасхи. Беснование стихий Ей чуждо. Гоголь, давая концепцию *лирического и комического*, на вопрос *истоков* прямо не отвечает, лишь констатирует: «В глубине холодного смеха могут отыскаться горячие искры вечной могучей любви. ...Кто льет часто душевные, глубокие слезы, тот, кажется, более всех смеется на свете!..» И далее: «...Озаренное силой смеха несет уже примирение в душу» («Театральный разъезд»). Выходит, истоком всего резонно является любовь. Но тут же: «...нужно со смехом быть очень осторожным» [4; 293], то есть различать любовь стихийную и агапе. Действительно, в его идиллии, и смехе, и музыкальном лиризме скрыт Зов и трагедия, конвульсии ужаса, «едкость боли уже охладевшего сердца», бес тревоги, соль слез. Отсюда резкая смена тональности повествования, их смешение. Страстный дидактизм автора чужд плоскому морализму критики. И гипербола, знак беды, дана им не смеха ради; он суров к себе, но заряжен, упоен эмоцией. Страсть – та стихия, которую он жаждет обуздать волей, сам не всегда владея собой и ею. Потому некритичное приятие архим. Феодором Бухаревым «Выбранных мест...» проистекает из той сферы гуманной душевности, что присуща теплоте разбавленной духовности, подменяющей тело и кровь Христовы чувственно-умственным «подражанием».

Она претила даже автору, не говоря уж о его критиках из церковной среды. Это топос паперти и притвора, но никак не храмовое, не алтарное пространство. Это нищета чего угодно, но не Духа. На «нравственное одиночество» его обрекала не столько среда, сколько он сам. При иной оценке «ортодоксы» окажутся в стане его *гонимых* вместе с либералами. Не зря Гоголь признается: «Поверкой разума поверил я то, что другие понимают ясной верой и чему я верил дотоле как-то темно и неясно» [4; 293]. Надо думать, под разумом он имел в виду Софию, а не тварный ум, которые вполне различал. И когда он намерен «ловить душу его (человека. – В. С.) в малейших чертах и движениях его» [4; 296], он имеет в виду не только психологию, но пневматику и апологию («в урок и в поученье»), примеряя призывание апостолов быть «ловцами человеков». А для этого надо обустроить «хозяйство» души, для чего нужна бескровно строительная жертва Благодарения, когда «позабить нужно обо всех огорчениях собственных» [4; 291]. «...В это время, которое недаром называют переходным, почти у всякого человека, на всех поприщах, заметное стремление преобразовывать, поправлять, исправлять и вообще торопиться средствами противу всякого зла» [4; 299].

Но жажда действия и призывание влекут автора не домой, а в Рим. Здесь, как всюду у него, скрыт парадокс. Гоголь пишет: «...Мне нужно было это удаление от России затем, чтобы пребывать живее мыслью в России» [4; 300]. «...Узнаю цену России только вне России и до-

буду любовь к ней вдали от нее», «Среди России я почти не увидал России» [4; 302]. Обычному для русских европейцев позыву скитаний есть две мотивации: любить издали проще и, говоря словами Есенина, «большое видится на расстоянии». У Гоголя, помимо любви к «красавице Италии», есть дополнительный мотив – он должен осмыслить многое – свое призвание, место («...Должен ли я в самом деле писать? <...> Благоприятно ли нынешнее время для писателя...?»), роль России в Европе. Сделать это дома невозможно. Для этого необходимо сосредоточение, уединение, отстранение от объекта осмысления. А в России все слишком беспокойно, подвижно, изменчиво, суетно, полемично: «Все чего-то ищет, ищет уже не вне, а внутри себя...» [4; 307]. – «...У всякого образовывалась в голове своя собственная Россия, и оттого бесконечные споры». «Словом – во все пребывание мое в России Россия у меня в голове рассеивалась и разлеталась» [4; 303]. Уже «Мертвые души» призваны были ответить на эти вопросы. И он вновь бежит из дому, где ему трудно жить, думается, пишется. И снова безытность, дорога, чужбина. Так в юности он стремился в Петербург, в Германию, позднее – в Святую землю. Но окончательный ответ не найден ни в Риме, ни в Палестине, ни в Москве. И он устремляет взор и стопы к вечной Отчизне. Бесприютный скиталец вопрошает в тоске: «Зачем венцом всех эстетических наслаждений во мне осталось свойство восхищаться красотой души человека везде, где бы я ее ни встретил?» [4; 306]. Это ответ всем, говорящим о мизантропии Гоголя. Где здесь мироотвержение и психология сектанта? Это видение глубин греха в нас, знакомое Св. Отцам и солнечному Пушкину. Из римского, если что и есть, то культ красоты. Какой же поэт обойдется без нее? На ней стоит мир, воспетый в «Песни песней». Потому автор вправе заявить: «В книге моей скорее зерно примиренья, а не раздора». Он признает: «Книга моя была полезна прежде других – мне» [4; 321], стала зеркалом души. Он даже за неправый суд над ним благодарен, поскольку узнал, что нет «выше подвига, как подать руку изнемогшему духом» [4; 322]. Потому и пришел к Христову: «Просящему дай».

Если герой Достоевского – поэт «подполья», то Гоголь – «герой» романиста, «вечности заложник, у времени в плену» (Пастернак). При исповедальности он очень замкнут: «...Творчество Гоголя, при всей внутренней свободе Гоголя как художника, находилось в несомненной, хотя часто и скрытой зависимости от его идейных построений» [5; 4]. Критика обычно идет от среды, сюжета, а ключ скрыт в эмоции-идее автора: потому Акакий дан «беспощадно», и тут же: «...я брат твой». Герой, поэт-каллиграф, сродни автору, хочет вернуться в материнское лоно шинели (материализация, символ души, мечты, его эрос).

Оттого автор, отрезав, так жесток с ним, как с собой. Он верит: «Сила влияния нравственного

выше всяких сил» [4; 314], «Весь мир не полюбишь, если не начнешь прежде любить тех, которые стоят поближе к тебе и имеют случай огорчить тебя» [4; 316]. И молит: «Матушка, спаси твоего бедного сына!» («Записки сумасшедшего», 1834). Мольба прямо обращена к России и Богородице, Матери мира. Это так близко завету *любви к Богу через милость ближнему*, к слову старца Зосимы у Достоевского.

Понятно, что грезы Гоголя породила эпоха идеалов и мистики, реформ Александра I, жажды *объять необъятное*; дозрел он в эпоху распада духа и жестких форм быта. Так сплелись мечта поэта-провинциала и универсум убогой среды, породив очарование формой, пластикой, идеей, умозрением, утопией *власти* над умами подданных-статистов, читателей, *статикой мифа*, культом державно завершенных форм в культуре. Утрата их вела к упадку сил: «Никогда еще не чувствовал так бессилия своего и немощи. Так много есть о чем сказать, а примешься – перо не подымается» [2]. «Я могу умереть с голода, но не выдам безрассудного, необдуманного творения» [3]. Завет гения – «будьте живые, а не мертвые души!» – выразил опыт личной драмы, имеющей психосоматический и духовный критерии мотивации (нас волнует духовно-творческий и менее всего медицинский аспект темы, но и обойти последний нельзя). Не смешиваясь, они взаимодополняются, отчетливо выступают у него: сжег 2-й том и умер, устал (сошлись вместе: физический недуг, драма любви, острая депрессия, кризис творческий, провоцируемые напряжением всех сил). И последний вздох облегчения: «как сладко умирать»; не напоминает ли он вздох на кресте: ИСПОЛНИЛОСЬ! Умер с сознанием исполненного в меру сил христианского долга. Следование Христу стало почти буквальным, в соответствии с «авторским замыслом». Вопрос *верности пути* остается, но ответ не в нашей уже компетенции. Наше дело: *реплика в диалоге*.

Нам лишь хотелось соотнести сладость его смерти со сладостью творчества и любви, как соотнес он их с Иисусом Сладчайшим, не *прогоркиим* и в *миру*.

Ведь личность, тайна единства в многообразии, всегда проблемна, как явь Богочеловека. А ее привычно восприняли как «конфликт между духовными устремлениями и писательским даром» [4; 12] (В. Воропаев), чей исток не вовне, а в ней самой. Но можно дать и иной срез, соотнеся вектор влечений с *типом* дарования. Продуктивней видеть здесь не конфликт, а напряжение полюсов автора, тему *нового вина* и *старых мехов*. И тогда нет предопределения, а есть воздаяние и искупление, живая Христова идея и нормативная поэтика, близкая проповеди. И это уже не частный или бытийный спор, а эпохальный диалог *оговорочного* и *готового* слова романа и риторики, гомиластики. Драма обретает творческий, исторический акцент. Его тематизи-

ровали наши медиевисты, а на Достоевском и Рабле вскрыл Бахтин, внятно артикулировали Аверинцев, Михайлов. Мы, расширяя ареал, круг имен, обозначили болевые точки Гоголя.

У иных авторов они, явно, иные. Заметим, это не спор *гениальности* и *святости*, как его понял (конечно же, из самых *благих побуждений*) «бунтарь» и экстремал духа, «апостол свободы» Бердяев и доброхоты – любители столкнуть Церковь с миром и культурой, его наслед-

ники. Обычно неукротимое рвение обратить *мир* в *скит*, в *пустынь* превращает мир в пустыню, когда *ревнители благочестия* обращаются в *неистовых ревнителей* «мировых пожаров» (ср. «Двенадцать» Блока). Этим опытом мы богаты, как никаким иным. Отметим, это именно *драматический*, а не *трагический* опыт, поскольку доминирует в нем не пассивный, а активно-личностный момент ответственности выбора, воли (независимо от оценки ее направленности).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. М.: Искусство, 1972. С. 110–155.
2. Гоголь Н. В. Письмо Константиновскому М. А., конец апреля 1850 г. Москва // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1937–1952]. Т. 12. 1952. С. 140–148.
3. Гоголь Н. В. Письмо Шевыреву С. П., 28 февраля н. ст. 1843 г. Рим // Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: [В 14 т.]. [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, [1937–1952]. Т. 14. 1952. С. 178–179.
4. Гоголь Н. В. Авторская исповедь // Гоголь Н. В. Духовная проза. М.: Русская книга, 1997. С. 240–276.
5. Зеньковский В. В. Н. В. Гоголь // Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. С. 142–266.
6. Лихачев Д. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 186 с.
7. Эрн В. Сочинения. М.: Правда, 1991. 576 с.
8. <http://www.bibliotekar.ru/rus-Rozanov/index.htm>.